

ФИЛОСОФСКАЯ «ТАЙНА» ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА*

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Традиционно понятие общественного производства включается в научный аппарат экономического знания и сопрягается с интерпретацией его в качестве реальности, подчиняющейся объективным, универсальным законам, действующим в соответствии с природой всеобщего товарного обмена. Эти представления возникли в Новое время и отражали ситуацию, связанную со становлением капитализма как мировой системы и развитием его материально-технической базы в направлении индустриализации. То, что представления отражали специфику той культурно-социальной ситуации, понятно и объяснимо, как понятно и объяснимо, что эти представления формировались в лоне **экономического** знания. Теоретические модели и гипотезы всегда являются продуктами того мира, в который погружен познающий субъект, и человек всякий раз имеет дело с неразрывным целым «система знаний о мире и сам мир», внутренние элементы которого находятся в состоянии взаимной каузальности. Правда, эта последняя порой носит имплицитный характер и не выражает принципа жесткой детерминации между всеми элементами названной системы. В этой связи можно вспомнить, что труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» появился в тот же год, когда Джеймс Уатт получил патент на усовершенствованную паровую машину, но его автор, как известно, анализирует ремесленное производство; есть и другой пример – в теоретических построениях Д. Рикардо, спустя сорок лет, станки и фабрики тоже не играли фактически никакой роли. Но обе модели вполне адекватно отражали суть новой ситуации, поскольку фиксировали внимание на другой составляющей производственной практики – на всеобщности товарно-денежного обмена как основе нового способа производства.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Человек в экономике и других социальных сферах», грант № 080300175а.

В определенном смысле аналогична ситуация и в наши дни: принципиально изменилась материально-техническая база производства, а укоренившиеся в экономическом знании модели детерминируются представлениями, сложившимися в пору индустриализации, в условиях которой универсальным законом экономического роста является закон стоимости, а принципом производственной деятельности — максимизация индивидуальной полезности при минимизации издержек. Такое общественное производство может быть адекватно понято как преимущественно экономическая система, основой которого является хозяйственная практика, стимулируемая стремлением ее субъектов к бесконечному накоплению капитала в денежном эквиваленте. В рамках такой системы мотивация производственной деятельности не может быть никакой другой, как обеспечивающей получение прибыли (лучше сверхприбыли), если человек преследует цель достижения успеха. И неважно, каким путем он идет к этой цели, важно, что в любом случае он видит смысл своих трудовых усилий в возможности **включения в существующую систему товарно-денежного обмена благами**, а поэтому стремится к предельной экономической рациональности. В противном случае он превращается в аутсайдера либо люмпена.

Функционирование такого производства подчиняется по большей части динамическим законам, поскольку в его основе лежат жесткие всеобщие принципы, действующие по схеме причинной зависимости, а социальное время для него связано с постоянством действия этой схемы. Система, живущая в таком времени, характеризуется современной синергетической теорией как равновесная, а соотносящиеся с ней представления — верой в существование некоторых универсальных оснований и в возможность их научного постижения. Труд, осуществляющийся в соответствии с такими представлениями, согласно Веберу, может быть «формально-рациональным» и «сущностно-рациональным» — в той степени, в какой при выборе методов достижения целей принимаются во внимание ценности, выходящие за пределы непосредственно хозяйственной деятельности, будь то этические, политические, утилитарные, гедонисти-

ческие, сословные или какие-либо другие. Во втором случае результаты трудовых усилий, как бы «рационально» они ни были исчислены, оцениваются в том числе и по шкале последних. Правда, возможность влияния и учета столь многих субъективных составляющих по большей части бывает проблематичной, даже в случае, когда такая возможность воспринимается как необходимость, поскольку формальная рациональность денежных расчетов берет верх как наиболее адекватная ближайшим целям хозяйствующего субъекта.

Но по мере экономического, социального, культурного прогресса и развития материально-технической базы производства тенденция к возрастанию значимости «сущностно-рациональной» основы производственной практики усиливается. Об этом свидетельствует сегодняшняя ситуация, высвечивающая очевидность несоответствия постулата о детерминированности производственной деятельности исключительно экономическими интересами, диктующего в качестве стандарта успешного поведения модель «экономического человека». Рядом с этой моделью сосуществует модель «институционального человека», побудительные мотивы которого связаны не только с желанием обеспечить максимальную прибыль, но и со стремлением к соответствию институциональным нормам и правилам, с упрочением своего статуса в обществе¹. С «институциональным человеком» в свою очередь соседствует «креативный человек», устремления которого связаны с возрастающей потребностью утвердиться в статусе творческого человека, способного к инновациям, стремящегося к признанию своего интеллектуального превосходства и на *этой* основе — к лидерству, к карьерному росту. Можно назвать и еще одну модель поведения как конкурентно соразную «экономическому человеку» — модель «самореализующегося человека», стремящегося к соответствию своей трудовой деятельности собственным природным наклонностям и дарованиям, ценящего в выбранном виде профессиональной деятельности возможности для личностного развития.

Конечно, все эти модели включают рыночную составляющую, т.е. вписываются (в большей или в меньшей степени) в существующую систему товарно-денежного обме-

на, и, тем не менее, они свидетельствуют, что узкий материальный интерес дополняется мотивацией социокультурного порядка, а экономическая сфера «позиционирует» себя по отношению к другим видам общественной жизнедеятельности не столько в модусе детерминации, сколько паритетного взаимодействия. Можно сказать, что сегодня моделирующую функцию экономического знания «перехватывает» знание иного порядка. Социология, психология, антропология, социальная философия, исходя из общего социокультурного основания, конструируют **свои** модели поведения, которые оставляют место для экономического интереса, но расширяют мотивационное пространство. Ситуация становится настолько очевидной, что требует, как справедливо отмечает В.Г. Федотова, изменения предмета экономической науки в направлении «перехода от восприятия экономики как системы хозяйства к встраиванию ее в общество и социальный порядок»².

Иными словами, сегодня сфера производства представляет реальностью, охватывающей гораздо большие проявления человеческой жизнедеятельности и при этом в их культурном измерении. В этой связи мне представляется обозначенное выше разграничение «формально-рационального» и «сущностнорационального» в хозяйственной деятельности весьма важным: оно позволяет расширить проблемное поле современного экономического знания. Сошлюсь на следующее высказывание И. Валлерстайна: «Я считаю, что нам, обществоведам, необходимо полностью обновиться, чтобы остаться востребованными в обществе. ... Я уверен, наше выживание зависит от того, сможем ли мы вернуть понятие сущностной рациональности в центр научных дискуссий»³. Теоретическая актуализация значимости сущностной рациональности возможна отчасти на уровне «междисциплинарного синтеза», о котором говорит В.А. Колпаков. «Экономическая наука, — пишет он, — должна быть «погружена» в социальный и политический контекст. Экономическая теория не выступает как отдельная наука об экономической реальности, а встраивается в общую междисциплинарную парадигму наук об обществе. Экономика снова становится политэкономией, обособляясь от других наук об

обществе не по предмету, а по методам исследования»⁴. Не могу с этим не согласиться, но думаю, что первоочередной является все-таки другая задача, а именно — «укоренение» в экономическом знании представления об общественном производстве как **воспроизводстве социальности**, что есть не результат, а условие «междисциплинарного синтеза». Дело не в «подправлении» существующих экономических моделей новыми параметрами, а в утверждении **иного** подхода к анализу экономической реальности.

Я связываю этот подход с **философской интерпретацией природы производства**. Именно на ее основе, думаю, осуществима разработка новой экономической теории. Некоторые исследователи в поисках таковой обращаются к переосмыслению смитовского учения. В определенных методологических пределах это представляется правомерным. Но хочу напомнить, что переосмысление учения А. Смита уже было в свое время предпринято К. Марксом на базе материалистического понимания истории, что задало принципиально новую трактовку общественного производства — как способа воспроизводства социальных процессов, самореализации человека и его связей с окружающим миром. Маркс в самом деле дополнил Смита, но не в том смысле, что расширил рамки предложенного Смитом социального контекста, и даже не в том, что предварил разработку политической экономии разработку новой социальной теории, а в том смысле, что изменил предмет экономического знания: им стала исторически сложившаяся реальность капиталистического производства, рассмотренная через призму взаимодействия всех сфер общественной жизнедеятельности. Именно это позволило ему создать адекватную и конкурентную экономическую теорию. Суть последней определена была достаточно емко и предельно четко: «В качестве конечного результата общественного процесса производства, — писал Маркс, — всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях ... Здесь перед нами — их собственный постоянный процесс движения, в котором они обнаруживают самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»⁵. Впервые труд предлагалось рассматривать как воспроизводство человечес-

ких отношений, а сами общественные отношения как результат продуктивной деятельности человека. Была открыта общественная природа труда, заключающаяся в его способности создавать не только вещи и духовные ценности, но в форме последних отношения между людьми⁶.

В рамках такого рассмотрения общественное производство предстало в единстве всех сфер, пластов, проявлений общественной жизни — материальной и духовной, экономической и культурной, общественного и индивидуального сознания, обыденного и научного знания, производства и потребления. Реализация такого подхода применительно к исторически конкретному производству позволила выявить внутренние противоречия и движущие силы, социокультурные интенции и практические установки, объективные основания функционирования и исторического движения капиталистического общества. Продуктивная человеческая деятельность была осмыслена как воспроизводство человеческих отношений, включая политические, экономические, социальные, культурные и другие их виды, а сам человек — как субъект этого процесса. Марксова концепция, по справедливой оценке А.С. Ахиезера, «создала методологическое основание для понимания общества, любого сообщества как повседневного результата деятельности людей в качестве субъектов культуры, общественных отношений, субъектов массовой творческой деятельности, т.е. как целостного противоречивого воспроизводственного процесса, совпадающего в конечном итоге с человеческой историей»⁷. Она позволяла рассматривать общество «изнутри» как саморазвивающуюся систему, движение которой никогда не совершается в одной плоскости, что преодолевало ограничение предмета анализа «экономической анатомией общества»⁸.

Общественное производство было понято как «общественный жизненный процесс», «производство самой жизни», «определенный образ жизни»⁹, а сам человек — как существо, способное к универсальной деятельности и к универсальному обмену. Методологическую значимость такого подхода трудно переоценить, не случайно ее исходные принципы нашли отражение во многих сегодняшних теориях общественного развития, в частности, в различных

модификациях «постиндустриальной теории»¹⁰, в мир-системном анализе капитализма¹¹. Думаю, что эвристические возможности интерпретации общественного производства в названном ключе еще не до конца использованы в разработке современных моделей общественного производства. Поэтому считаю не только правомерным, но и целесообразным обращение к философскому рассмотрению проблемы с учетом тех изменений, которые произошли во второй половине XX века в способе, содержании и общественной форме производственной практики в связи с достигнутым уровнем научно-технического прогресса и развитием мировой системы капитализма.

Эти изменения связаны с переходом развитых стран в так называемую постиндустриальную стадию, характеризующуюся возрастанием роли знания, информации и субъективного фактора в функционировании хозяйственной системы. Объем создаваемых ценностей все больше начинает зависеть не от количества живого труда, включенного в непосредственный производственный процесс, и не от объема средств производства (овеществленного труда), а от достижений науки и техники, общих успехов овладения человеком природными силами. Другими словами, налицо переворот в производительных силах человека, существенной чертой которого является усиление зависимости эффективности производства от развития научного знания, быстроты его распространения и использования в практических нуждах, от способности человека превращать свои творческие потенции в один из основных ресурсов производства, а сам труд в средство своего развития. Это свидетельствует об эволюционном преодолении сложившейся ранее устойчивости, обнаруживается, что функционирование и историческое движение хозяйственной системы определяется более вероятностными, нежели детерминистическими, процессами, более статистическими, нежели динамическими, закономерностями. Усиление роли информации, знания, творчества в производственно-хозяйственной практике общества и в труде непосредственных исполнителей меняет «русло» общественной жизни настолько, что сам по себе экономический рост перестает выступать в качестве доминирующего социального ори-

ентира, а значение ранее сложившихся схем, стандартов рационального (экономического) поведения заметно снижается¹². Теоретические модели, основывающиеся на признании исключительно экономического детерминизма теряют свою прежнюю действенность, во всяком случае становятся не единственно предпочтительными. (Не случайно бизнес начинает признавать культуру сферой своего интереса.)

Все это снижает ситуацию «раскачиваемости» экономической системы: прежнее состояние, покоившееся на повторяемости экономических каузальных связей, на предсказуемости условий и причин возможных перемен, теряет свои параметры. Превращение знания «в определяющий фактор производства, отодвигая на задний план и капитал, и рабочую силу»¹³. Меняется содержание и характер меновой стоимости, ее параметры в функционировании общественных благ и услуг. Как определить ценность благ, в производстве которых определяющую роль сыграли успехи современного знания и созданные на его основе новейшие технологии? Экономисты не всегда могут однозначно ответить на этот вопрос. Косвенно и условно, конечно, это сделать можно и даже в денежном эквиваленте — как разность между затратами на конкретные исследования и полученной прибылью от их внедрения. Но ведь знание и развивающиеся на его основе новые технологии, во-первых, являются результатом всего предшествующего развития науки, интеллектуальных усилий не одного поколения, а во-вторых, они включают не только интеллектуальную «составляющую», поскольку любая стоимость генерируется путем субъективных перцепций, получающих определенное распространение в обществе. Такой вид социальной субъективности отличается неустойчивостью и подвержен быстрому изменению. В наибольшей степени это относится к стоимостям, непосредственно связанным с современными достижениями науки и техники — они подобны «падающей звезде, которая горит ярко лишь в те мгновения, когда проходит через пространство социальных обстоятельств и субъективных факторов, позволяющих ей светить ярче других»¹⁴.

А в каком исчислении определить роль таких субъективных факторов, как политические предпочтения, воля к

лидерству, нравственные ориентации, религиозные ориентации, национальный менталитет субъекта производственной деятельности? Сегодня они вторгаются во все без исключения сферы производственной практики, тесня законосообразность, жесткие стандарты, предсказуемую повторяемость. Есть и еще один момент: сегодняшний уровень производительных сил порой предлагает альтернативные решения, необходимость выбора между которыми заставляет экономику балансировать, «в рамках этического разделения добра и зла»¹⁵. Нравственный элемент встраивается в производственную систему — как учесть его, не разрушая прежние основы последней? Трудность связана с очевидной «нестыковкой» экономики как учения о народном хозяйстве, функционирующем в соответствии с законом стоимости, с этикой как знанием, ориентирующимся на признание всеобщности норм человеческого общения и исключаящим какие-либо попытки связать их с утилитарными целями. Все это, повторяю, создает в производственной сфере ситуацию неустойчивости.

И. Пригожин назвал такое состояние переходом от «геометрического мира» к «миру нарративному», в котором любая структура рано или поздно выходит из равновесности с тем, чтобы «открыть себя» для новых вариаций, для поиска новых возможностей. В «нарративном мире» время (всеобщая причина старения) активизирует систему к новым модификациям, т.е. выступает своеобразным фактором «омоложения». На смену «временной симметрии» приходит «Стрела времени», которая пронизывает своим вектором все эволюционные процессы и принимаемые ими организационные формы, побуждая последние к самообновлению. Эта характеристика в полной мере применима к состоянию сегодняшнего производства. Своеобразным отражением ее в экономических теориях можно считать неолибералистское требование усиления роли государства над стихией рынка, развитием отдельных отраслей производства с целью скорректировать «раскачивание» экономических структур. Но эти попытки пока не принесли ожидаемого результата в том смысле, что идеи частичного регулирования экономики, претендовавшие на выработку адекватных экономических

моделей в какой-то период, стали новым теоретическим ограничением для развития экономического знания, подтвердив, что требуется принципиально новая парадигма осмысления его предмета. Такая интерпретация должна основываться на признании значимой роли субъективного фактора в функционировании и историческом развитии хозяйственной системы, на признании «законным» факта ее стремлений к самоорганизации. Следование такой парадигме придаст инновационный характер экономическому знанию: оно станет знанием о производстве как одной из наиболее динамичных форм общественной жизни, на которую культурные ценности и нормы не только оказывают прямое влияние, но и реализуются на ее поле с заметной отдачей.

С этой парадигмой я связываю социально-философскую концепцию общественного производства как производства социальности.

В ее контексте отношение человека к природной среде, т.е. необходимость производства средств существования непосредственно соотносится с формированием и развитием общественных форм жизни. В философской интерпретации непосредственный производственный процесс выступает лишь **моментом** общего процесса воспроизводства социально-культурного пространства, в котором осуществляется жизнедеятельность людей. Люди «производят жизнь» как **люди**, в соответствии со своим временем, уровнем развития практики и научного знания, исторически сложившимися формами общения и возможностями реализации себя в качестве субъектов индивидуальной и общественной жизнедеятельности. Поэтому в процессе производства человек утверждает себя как **родовое существо**. В признании этого факта кроется «философская тайна» общественного производства. Ее раскрытие освобождает представления о нем, с одной стороны, от излишней приверженности к экономической установке, а с другой стороны, наполняет их социокультурным смыслом, позволяя понять его в единстве следующих моментов:

1) как естественно-исторический процесс, подчиняющийся в своем развертывании объективным законам и вместе с тем осуществляющийся через сознательную целеполагающую деятельность людей;

2) как целостный процесс в единстве и взаимодействии всех его структур;

3) в качестве феномена культуры, т.е. сферы исторического и индивидуального развития человека как свободной, способной к творчеству личности.

В рамках философской интерпретации общественное производство выступает одновременно производством материальных условий жизни, духовных ценностей и человека, каждое из «производств» имеет общее с двумя другими основание. Этим основанием является воспроизводство общественных отношений (материальных, духовных и институциональных).

Поэтому продуктом производственной деятельности вместе с произведенными благами является человеческое общество. Ибо то, что объединяет все виды производственно-хозяйственной деятельности — это свойство последней (каким бы способом она ни осуществлялась) в форме благ (материальных, духовных, социальных) воспроизводить общественные связи между людьми. Последнее составляет специфику производства как собственно человеческой формы взаимодействия с природой, его отличие от «производственной деятельности» животных, которые тоже «строят», иногда посрамляя своим искусством людей, тоже поддерживают свое физическое существование, добывая разными способами продукты питания, тоже «трудятся», действуя с помощью «орудий» (найденной палки, зубов, когтей и т.п.). Именно этот момент (производство общественных форм жизни) «обеспечивает» развитие человека — и как биологического существа, и как носителя социальности, и как конкретно-исторического индивида (представителя своего времени, народа, класса, социальной группы, профессионального сообщества и т.д.). Производство людьми необходимого для жизни предметно-духовного мира оказывается их «самопроизводством». Ибо «в самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия ... Но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый

язык»¹⁶. Производство общественных форм жизни делает бытие человека одновременно «чувственно-предметным» и «социально-отчужденным», а деятельность по его преобразованию тождественной их саморазвитию и значит не подчиняющуюся жестким регламентациям и ограничениям.

В таком проявлении общественное производство всегда совпадает с тем, что представляют собой индивиды — с их образом жизни, исторически сложившимися традициями, ценностными ориентациями, стандартами социального поведения. И поэтому оно всегда выступает одновременно экономической и социокультурной реальностью, подчиняющимся соответственно двум типам закономерностей: 1) детерминирующим его функционирование как экономической системы, 2) определяющим общий вектор развития как социокультурного организма. Правда, характер и содержание взаимодействия этих двух реальностей на разных этапах истории были и будут различными. Но всякий раз они **взаимодополняют друг друга**. Сфера обеспечения средствами жизни и культурная жизнь общества, образно говоря, питают друг друга, даже когда находятся в состоянии антагонизма.

Каждая система отношений, формирующихся через производственную практику несет свою «социальную нагрузку». Сфера экономических отношений (материального производства), включающая отношения собственности, распределения и обмена, пронизанная товарно-денежными связями, выступает в «иерархическом срезе» **исходной** в том смысле, что детерминирует социальные формы всех других видов деятельности. «Из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и духовный уклад определяется как тем, так и другим»¹⁷. Конечно, характер и содержание «иерархической зависимости» подправляется каждым этапом истории человечества — успехами социальной практики, научного познания, технического прогресса, культуры. В этой связи я полностью согласна с замечанием В.М. Межуева относительно известного Марксова тезиса из Предисловия «К критике политической экономии» об обусловленности способом материальной жиз-

ни социального, политического и духовного процессов жизни общества¹⁸. Межуев справедливо обращает внимание на тот момент, что данное положение формулируется Марксом применительно к анализу прежде всего гражданского, буржуазного, общества, анатомию которого следует искать в политической экономии¹⁹. Почему именно в политической экономии? — Потому что буржуазное общество своим основанием имеет развитую систему всеобщего товарного обмена, охватывающего все сферы общественной жизни, потому что универсальным механизмом функционирования капиталистического производства является **рынок**, вовлекающий в свою орбиту не только произведенные ценности-блага, но и труд (рабочую силу). При таких условиях законы экономической жизни, способ, каким осуществляется функционирование материального производства (экономики) и воспроизводство лежащих в его основании отношений, не может не детерминировать общественную форму других видов жизнедеятельности социума и при этом детерминировать **специфическим** образом. Каким?

В условиях товарного обмена («всеобщей продажности») общественные связи и отношения, появляющиеся как результат производственной деятельности, принимают **вещную, отчужденную** форму. Такая связь, будучи сама ограниченной и извращенной, свидетельствует, что и производство функционирует в ограничивающей его социальной форме — «под знаком отчуждения», соответственно и детерминация с его стороны жизнедеятельности общества несет на себе эту печать. Но такая ситуация — исторически преходяща, что связано с внутренней интенцией производства к постоянным изменениям его общественной формы в связи с историческим развитием форм зависимости человека от социума (типов социальности). Маркс, отмечая этот факт, писал: «Отношения личной зависимости (в начале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на **вещной** зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ,

универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень»²⁰. В определенном смысле эта «устремленность» человечества к свободной индивидуальности, к универсальности своей жизнедеятельности и составляет суть заложенного «от природы» инновационного механизма производственной практики, делающего ее с одной стороны, способной к самовоспроизводству, а с другой стороны, подчиняющейся целеполаганию со стороны ее субъекта.

Говоря о детерминации материального производства (экономики) на жизнедеятельность общества, необходимо отметить еще один важный момент — очевидное влияние материально-технической базы производства на принципы и формы организации социальной жизни. В свое время Ф. Энгельс предупреждал, что династия Габсбургов, выдержавшая французскую революцию, Наполеона и европейские революции (1848 — 1850 гг.) не сможет выдержать пара. История подтвердила правоту Энгельса. Еще убедительнее эта связь раскрывается фактом формального и реального подчинения труда капиталу. Как известно, первоначальное подчинение труда капиталу происходило в рамках ремесленного производства, которое не содержало никаких производственно-технических оснований для подчинения работника владельцу мануфактуры в том смысле, что при условии сохранения у него средств труда он мог бы и сам производить продукт, без организационного содействия предпринимателя, покупающего его рабочую силу. Поэтому производство, как и развивающиеся в его сфере отношения, не были еще капиталистическими в полном смысле слова: капиталист выступал просто как купец, покупающий специфический товар — рабочую силу. Действительное капиталистическое производство связано с переворотом в производственной технологии, совершенном введением в производственный процесс машин. Машина явилась причиной развития реальной зависимости труда от капитала: человек превратился в живой придаток технической системы («частичного рабо-

чего») и потерял самостоятельную ценность в качестве работника. С фабрикой появилось технологическое подчинение труда вещным условиям деятельности, а с этим — объективные материально-технические основания для подчинения работника собственнику капиталу как владельцу машины. С этого момента производство и стало в полном смысле капиталистическим, ибо отныне отдельный производитель участвует в совокупном труде, жестко привязанным к капиталу не только в своем существовании (не имеет собственных средств жизни), но и в своем функционировании в качестве общественной производительной силы. Его зависимость стала «социальной истиной», поскольку получила реализацию не только путем присвоения живого труда, но и в самом реальном процессе производства. И именно с этого момента возврат назад (к ремесленному производству) становится невозможным. Капиталистическое производство должно будет пройти длительный исторический путь на созданной им материально-технической базе. И только принципиальные изменения в ней сделают возможной какую-то иную общественную форму его организации, — в противном случае будет нарушен, как пишет А. Назаретян, общесоциологический закон эволюционных корреляций, нарушен баланс между инструментальной и гуманитарной культурой, между достигнутым технологическим потенциалом и нравственной зрелостью человечества²¹.

Сегодняшняя ситуация свидетельствует об очевидном смягчении давления экономической сферы. Развитие науки, техники, производственных технологий, сопровождающееся включением знания в производственный процесс на «правах» непосредственной производительной силы, размывает границы между «экономикой» и «не-экономикой», между материальным и духовным производством, производством и культурой. В основе производства знания лежит всеобщий труд, он не поддается количественному измерению в необходимом рабочем времени, поскольку является общественной формой творческого труда, результаты которого всегда стремятся «выпасть» из товарно-денежного обращения, подчиняясь в своем функционировании в качестве благ законам иного порядка²². К сожалению, я не могу

остановиться на этой проблеме детально, так как непозволительно выйду за границы своей темы, поэтому ограничусь лишь постулированием следующего тезиса: нетоварность есть функциональное свойство духовных ценностей²³. Вот почему в условиях сегодняшней интеграции материально-производственной и духовной практики экономика вынуждена менять свои «приоритеты». Норма накопления уже не влияет в прежней степени на темпы экономического роста, а увеличение основного капитала в денежном эквиваленте составляет лишь один из его источников. Это вызывает появление новых экономических структур — с превашированием внерыночных сил и социальных институтов, связанных с управлением, прогнозированием, изучением спроса и предложения на рынке товаров и услуг и т.п., что меняет содержание принципа экономической рациональности (эффективности).

Последняя все чаще дополняется востребованностью интеллектуальности, широкой образованности и творческих способностей работника. До сих пор понятие «экономическая рациональность» выражало требования, сложившиеся под влиянием товарно-денежного обмена и закона стоимости, т.е. соответствовало «формальной рациональности», о которой говорилось выше. Таковой ситуация остается по большей части и сегодня, что находит косвенное выражение в тенденции к глобальной коммерциализации общественной жизнедеятельности. (Массовое распространение эрзац-культуры, откровенно работающей на бизнес, циничная манипуляция потребительскими интересами, жизненными целями, предпочтениями людей, нацеленность образования на утилитаризм, подчинение его диктату рынка и мн. др.) И, тем не менее, нельзя не признать, что сегодня все настойчивее заявляет о себе культурная интенция общественного производства (его «сущностная рациональность»), свидетельствующая, что, с одной стороны, в сфере экономической жизнедеятельности вместе с миром товаров сосуществуют, оказывая на нее все более значимое воздействие, социокультурные ценности, а с другой стороны, что результаты самого материального производства далеко не всегда поддаются оценке в денежном эквиваленте.

Абсолютное противопоставление интересов прибыли социокультурным параметрам развития общества становится неоправданным на уровне и «большой политики» и «здорового смысла». Обнаруживаются границы, за которыми выгодно сосредоточить средства не в собственно материальном производстве, а за его пределами (в сфере науки, образования, новых технологий, подготовки кадров). Развитие производственной и непроизводственной сферы выступает экономически эквивалентным. Более того, прежнее их разграничение становится неадекватным реальному состоянию, поскольку не всегда верно отражает, в какой из них создаются наиболее эффективные, отвечающие требованиям и запросам времени производительные силы. Примечательно, что и совокупное общественное богатство представит для человека благом «широкого диапазона» — это и вещные ценности, отвечающие потребностям современного человека, и развитая система услуг, ориентированная на обеспечение доступного образования, здравоохранения, отдыха, и культурные ценности, и гражданские и политические свободы, и стабильный социальный порядок, и свободное время, и возможности самовыражения в труде и многое др.²⁴

Реалии наших дней как никогда ранее подтверждают истинность философского постулата: общественное производство всегда осуществляется как воспроизводство **социальной** жизни во всем ее многообразии и сложности, а его историческое движение детерминировано множеством внутренних и внешних факторов — объективных и субъективных, природных и культурных, необходимых и случайных, общечеловеческих и национальных, духовных и материальных, сциентистских и религиозных, этических и политических. Общественное производство предстает системой, внутри которой таится множество возможностей и исторических вариаций. Предположить **однозначно**, какая реализуется, трудно, поскольку жестко запрограммированного «исхода» попросту нет: этому «мешает», повторю, импровизационный момент, заложенный в механизм воспроизводства, делающий общественное производство **открытой системой**, готовой не только быть управляемой, а и

способной к самоорганизации. Сегодня этот механизм явно актуализирован обозначенными выше процессами.

Итак, в рамках философского подхода общественное производство предстает как производство общества в единстве, обеспечивающем системный характер общественных связей и отношений между людьми и человека как существа, способного к универсальной деятельности и к универсальному обмену. В силу отмеченных выше моментов философская концепция общественного производства может, на мой взгляд, стать «точкой роста» для разработки современных проблем общественного развития. В рамках исторической ретроспективы можно вспомнить о попытках использования этой трактовки «легальными марксистами» в конце XIX в. для выработки модели капитализации российского хозяйства, которая была сконструирована П.Б. Струве на базе философского (для Струве — Марксова) толкования общественного производства. Замечу, что предложенная модель была отчасти реализована в ходе перестроечной практики наших дней. Сам по себе этот факт не очень удивляет: начало и конец этого векового интервала по странной иронии истории «упирается» в одну проблему — встраивание в капиталистическую систему хозяйства, покоящегося на ином типе социальности, но заставляет задуматься: исчерпан ли исследовательский потенциал философского подхода для разработки экономических моделей и прогнозов нашего времени? Думаю, нет.

Примечания

¹ См.: Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004.

² См.: Федотова В.Г. Человек в экономических теориях // Вопросы философии, 2007. № 9.

³ См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С.197.

⁴ Колпаков В.А. Экономическая теория в контексте эволюции капитализма // Новые идеи в социальной философии. М., 2006. С. 93.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 222.

⁶ Критикуя Прудона, Маркс писал: «Господин Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало. Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам сами производят также общественные отношения, при которых они производят сукно и холст» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 410).

⁷ Ахизер А.С., Рябова М.Э., Савкин Н.С. Марксова концепция воспроизводства в свете современной философской науки // Философия и общество. 2006. № 4. С. 41.

⁸ Там же.

⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 90; Т. 3. С. 19; Т. 25. Ч. II. С. 382; Т. 42. С. 94.

¹⁰ Как утверждает В.Л. Иноземцев, приверженцы самой влиятельной и востребованной «постиндустриальной теории» «не только не отрицали научного значения марксизма, но и стремились вести с ним глубокий конструктивный диалог» (см.: *Иноземцев В.Л.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 4).

¹¹ Особый интерес с этой точки зрения представляет мир-системный подход к анализу капитализма И. Валлерстайна (см.: *Валлерстайн И.М.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001).

¹² *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. С. 250.

¹³ *Драккер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. С. 95.

¹⁴ *Тайичи Сакайя.* От объективного к субъективному, от симбиотики к независимости // Новая постиндустриальная волна на Западе. С. 362.

¹⁵ См.: *Федотова В.Г.* Этика и капитализм. Пути объединения // Политический класс. 2007. № 9.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 483.

¹⁷ Там же. Т. 26. Ч. II. С. 279.

¹⁸ Там же. Т. 13. С. 17.

¹⁹ *Межуев В.М.* Маркс как теоретик истории, общества и культуры // *Межуев В.М.* Маркс против марксизма. М., 2007. С. 58.

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 100.

²¹ См.: *Назаретян А.* Технология и психология: концепции эволюционных кризисов // ОНС. 1993. № 3.

²² Результаты всеобщего труда могут быть достоянием всех и каждого (потому он и «всеобщий») как только получают общезначимое выражение, им не нужно принимать форму товара, включаться во всеобщий обмен ценностями в качестве меновой стоимости. А это означает, что на пути получения максимальной прибыли из использования достижений научного знания, информационных технологий через включение их в систему товарных отношений стоят объективные, связанные с природой последних, пределы.

²³ Эта проблема стала предметом обстоятельного анализа еще в 80-е годы прошлого столетия (см.: *Сиземская И.Н.* Диалектика материального и духовного производства. М., 1978; Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. Раздел III. Гл. 1; Производство как общественный процесс М., 1986; *Лебедев А.Б.* Духовное производство: сущность и функционирование. Казань, 1991.

²⁴ См. об этом: *Сиземская И.Н.* К вопросу о том, что такое общественное богатство // Новые идеи в социальной философии. М., 2006. Раздел II. Гл. 1.